

А.А. Антонов-Овсеенко
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, г. Москва
A.A. Antonov-Ovseenko
Moscow Humanitarian Institute, Moscow

ЦЕНЗУРА ПЕЧАТИ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ
(март-октябрь 1917 г.)
PRESS CENSORSHIP IN REVOLUTIONARY RUSSIA
(March-October 1917)

Ключевые слова: цензура, печать, Временное правительство, Петроградский совет

Keywords: censorship, press, provisional government, Petrograd's council

В течение длительного времени главным документом, определявшим положение российской печати в течение марта – октября 1917 г., было принято считать постановление Временного правительства от 27 апреля, начинавшееся с заявления о том, что «печать и торговля произведениями печати свободны» (Архив новейшей истории России, 2001: 358). Кроме того, некоторые исследователи ошибочно указывают, что цензура была упразднена именно постановлением от 27 апреля (Бурлакова, 2004:107), хотя в действительности ее отмена состоялась, как это будет показано далее, почти на два месяца раньше – в решении Временного правительства от 4 марта. При этом, несмотря на то, что цензура де-юре была официально отменена, де-факто ее применение в различных видах продолжалось. Специфика ситуации с отменой и применением цензуры заключалась в том, что вопросами функционирования периодической печати одновременно и параллельно озаботились два возникших в горниле Февральской революции 1917 г. центра власти – Временное правительство и Петроградский совет. И противоречия между ними с первых дней марта наиболее ярко проявлялись в принятии подчас прямо противоречивших друг другу решений о печати: Временное правительство взяло курс на либерализацию, Петроградский совет, наоборот, - на ужесточение условий выпуска газет и журналов. Рассмотрим последовательно, как именно реализовывали свою политику в отношении печати два этих центра власти.

К обсуждению вопросов, так или иначе связанных с регулированием деятельности печати, Временное правительство обращалось около 30 раз в течение примерно 200 состоявшихся в период с марта по октябрь 1917 г. заседаний. И поскольку актуальность публикаций периодических изданий того времени, особенно в отдаленных провинциях, во многом зависела от сообщений Петроградского телеграфного агентства (ПТА), то в первую очередь Временное правительство озаботилось восстановлением нормальной работы этого учреждения, прерванной в период активной фазы Февральской революции. Газета «Московские ведомости»* сообщала об этом следующим образом: «Петроград. 1. III. Сегодня комиссары Исполнительного комитета

Государственной думы, члены Государственной думы Гронский и Салазкин, в сопровождении члена Исполнительного комитета петроградских журналистов, отправились в Петроградское телеграфное агентство с целью взять в руки Исполнительного комитета осведомление провинции. Новым заведующим агентства назначен старший редактор Ловягин, наблюдение Агентством поручено Исполнительным комитетом Адрианову» (Московские ведомости, 03.03, 1917). Одновременно Временное правительство предприняло меры к тому, чтобы обеспечить информирование общественности о собственной деятельности, начав выпуск газеты «Вестник временного правительства», пришедшей на смену бывшему «Правительственному вестнику», издававшемуся царским правительством. О том, какое большое значение придавали этому члены нового кабинета министров, говорит тот факт, что депутат Госдумы П.П. Гронский специальным постановлением от 4 марта 1917 г. получил полномочия комиссара по газете «Вестник временного правительства» (Архив новейшей истории России, 2001: 25). На состоявшемся в тот же день еще одном, вечернем заседании Временное правительство приняло наиболее важное и непосредственно касавшееся обеспечения свободы слова и печати решение - «Упразднить Главное управление по делам печати, сохранив в составе Министерства внутренних дел регистрационную часть названного управления и бюро иностранных вырезок», обязав одновременно «редакторов и издателей продолжать высылку в названную регистрационную часть всех печатных произведений» (Архив новейшей истории России, 2001: 30). Таким образом, Временное правительство впервые в отечественной истории упразднило предварительную политическую цензуру, которая до того осуществлялась силами упомянутого управления царского МВД. О том же, что именно штатные сотрудники – цензоры Главного управления по печати царского МВД играли главенствующую роль в осуществлении цензуры как до начала войны, так и во все время участия в ней России, говорят, в частности, статьи принятого в 1914 г. Положения о военной цензуре. Так, согласно ст. 20 Положения, обязанности военных цензоров возлагались «на местных должностных лиц, наблюдающих за печатью, и на чинов местных почтово-телеграфных учреждений, по соглашению военного начальства с Главным Управлением по делам печати и начальником почтово-телеграфного округа, по принадлежности» (Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914: 3016-3017). Кроме того, согласно ст. 21 Положения, министр внутренних дел располагал полномочиями «1) командировать, где это окажется необходимым, для надобностей военной цензуры, в состав комитетов по делам печати и для исполнения обязанностей Инспекторов по делам печати, должностных лиц, занимающих штатные должности или состоящих по ведомству Главного Управления по делам печати...» (Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1914: 3016-3017).

При этом, сохранив лишь регистрационную часть Главного управления по печати, правительство устанавливало такой порядок, при котором

основополагающие решения как о выпуске издания в целом, так и о публикации тех или иных материалов принимались редакциями, а власти уведомлялись об этом постфактум: такой порядок впоследствии, с принятием постановления от 27 апреля, получит наименование уведомительного. Таким образом, именно решение Временного правительства от 4 марта о ликвидации Главного управления по делам печати, а фактически – о ликвидации цензуры, следует считать основополагающим в деятельности Временного правительства по регулированию вопросов печати.

Курс на либерализацию печати, который Временное правительство реализовывало в течение марта-июля 1917 г., проявился и в том, как на заседании 29 марта после обсуждения «сообщенной министром юстиции обращенной к нему телеграммы великой княгини Марии Павловны с ходатайством о защите ее от распространяемой о ней в печати клеветы» было принято решение «предоставить министру юстиции обнародовать телеграмму великой княгини» с одновременным извещением, «что ей принадлежит наравне со всеми гражданами право защищать свои интересы и свое имя в судебном порядке» (Архив новейшей истории России, 2001: 198). Приверженность такой политике демонстрировали персонально и отдельные члены кабинета. Так, министр юстиции – будущий глава Временного правительства А.Ф. Керенский на встрече с британским послом Дж. Бьюкененом 7 мая 1917 г., описанной в мемуарах дипломата, когда последний посетовал российскому политику на нападки российской печати, хотя и «соглашался с тем, что некоторые из этих нападков заходят слишком далеко, но заявил, что правительство не может нарушить начала свободы печати» (Бьюкенен, 1991: 248). Кроме того, на заседании 28 марта министр иностранных дел - лидер кадетов П.Н. Милюков выступил с предложением «О желательности скорейшего издания эмиром Бухарским манифеста к населению», в котором была бы провозглашена возможность «свободного открытия в Бухаре, наряду с правительственной, также и частных типографий, и, наконец, свобода печати» (Архив новейшей истории России, 2001: 187).

Широко известны такие решения Временного правительства, как упомянутое в начале статьи постановление от 27 апреля, которому по праву уделяется значительное внимание в различных трудах. Впервые введенный в решении от 4 марта уведомительный порядок регистрации был подробно описан в новом решении от 27 апреля: «Каждый желающий выпускать в свет новое повременное издание обязан представить местному комиссару Временного правительства, или иному, заменяющему его установлению или должностному лицу, заявление в двух экземплярах... Местный комиссар или иное заменяющее его установление или должностное лицо обязаны выдать заявителю расписку в получении от него означенного в сей статье заявления» (Архив новейшей истории России, 2001: 359).

Тем не менее, следует учитывать, что постановление от 27 апреля освобождало печать лишь от административной ответственности, но никоим образом – от уголовной. «Печать и торговля произведениями печати

свободны, - говорится в первых строках решения от 27 апреля. – Применение к ним административных взысканий не допускается [выделено - авт. статьи]» (Архив новейшей истории России, 2001: 358). Более того: в дальнейшем, в особенности после событий 3-5 июля, Временное правительство кардинально изменило свое отношение к свободе слова и печати и приступило к практическому сворачиванию этих свобод, вплоть до прямой корректировки собственных, принятых ранее для обеспечения этих свобод решений и возвращения военной цензуры.

Возглавивший 11 июля Временное правительство А.Ф. Керенский, совмещая пост министра-председателя с постами военного и морского министра, сконцентрировал в своих руках большую власть и воспользовался ею для сведения счетов с возглавившими вооруженное выступление 3-5 июля большевиками. Керенский, вопреки собственным предыдущим усилиям по либерализации печати, принялся проявлять особенную активность в сторону ее, наоборот, всемерного ограничения – с той, однако, поправкой, что такая кардинальная смена политики была вызвана именно разрушительной политической деятельностью большевиков и была поначалу направлена прежде всего против большевистских изданий. Во-первых, очевидно, что известные постановления Временного правительства от 8 июля о запрете распространения на фронте большевистских газет «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда», а затем принятое 12 июля решение - «в виде временной меры, военному министру и управляющему Министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и гражданской войне» (Архив новейшей истории России, 2004: 85), были подготовлены самим Керенским, поскольку и адресовались для исполнения ему как главе военного ведомства. Кроме того, в газете «Новое время» от 16 (29) июля оказался опубликованным – во исполнение постановления от 12 июля и непосредственно рядом с текстом этого постановления, - персональный (как главы военного ведомства) приказ Керенского: «1) газеты: «Правда» - орган центрального комитета и петроградского комитета р.с.-д.р.п. и «Окопная Правда» - орган военной организации при рижском комитете с.-д. Латышского края на основании вышеприведенного постановления Временного правительства закрыть. 2) всем начальникам и комиссарам Временного правительства действующей армии тщательно следить за распространяемыми в армии повременными изданиями, и в случае появления газет, призывающих к одному из деяний, перечисленных в постановлении Временного правительства, входить ко мне с представлением о немедленном закрытии таковых органов... Военный и морской министр А. Керенский» (Новое время, 16.07, 1917).

Однако новый министр-председатель не остановился на мерах, направленных против прессы большевиков, а перешел к наступлению на свободу печати в целом: Керенский фактически инициировал восстановление предварительной военной цензуры. «Новое время» в номере от 15 (28) июля

публикует два сообщения на эту тему, объединенных общим заголовком «Восстановление военной цензуры». В первом из них, озаглавленном как «От Временного правительства», сконцентрированы объяснения, долженствовавшие убедить общественность в оправданности предпринимаемых ограничений: «За последнее время наблюдались неоднократные случаи помещения в повременной печати военных сведений, разглашение которых отражалось крайне вредно на ходе военных действий, оказывая иногда прямую помощь врагу... Временное правительство вместе с тем признало нужным ныне же, не ожидая введения в действие постановления о военной цензуре, установить временные правила о воспрещении разглашения в повременной печати военных тайн и установления уголовной за то ответственности» (Новое время, 15.07, 1917). Следом помещен и текст самого постановления: «Воспрещается помещение во всякого рода повременных изданиях и других произведениях печати, без предварительного просмотра военной цензуры, сведений, относящихся к военным действиям российских армии и флота, а равно о состоянии армии и флота... Виновный... подвергается: заключению в тюрьме на время от двух месяцев до одного года и четырех месяцев, или аресту на время не свыше трех месяцев, или денежному взысканию не свыше десяти тысяч рублей, причем суд может подвергнуть виновного денежному взысканию независимо от тюремного заключения или ареста» (Новое время, 15.07, 1917).

Между тем с юридической точки зрения между ликвидацией политической и военной цензуры по итогам Февральской революции существовала определенная разница. Напомним, что цензура политическая - в лице осуществлявшего ее в эпоху самодержавия Главного управления по делам печати МВД - была официально ликвидирована решением Временного правительства от 4 марта 1917 г. Однако никакого специального решения по вопросу о ликвидации цензуры военной не принималось. Более того, согласно п. 13 постановления правительства № 11 от 8 марта 1917 г. Юридическому совещанию при Временном правительстве поручалось «разработать вопрос о пределах применения военной цензуры» (Архив новейшей истории России, 2001: 56), то есть тем самым фактически подтверждалось, что де-юре военная цензура продолжала действовать. Другое дело, что по Положению о военной цензуре, введенному с началом войны в 1914 г., этот вид контроля над содержанием печатной прессы осуществлялся под руководством того же Главного управления по делам печати МВД, и поскольку само управление было упразднено, то, следовательно, и военная цензура де-факто прекратилась. То есть Керенскому, как новому главе правительства, в июле пришлось фактически восстанавливать действие военной цензуры, - при том, что, как это представляется очевидным, подспудной целью восстановления де-юре цензуры военной было восстановление де-факто и цензуры политической (иначе почему бы Керенский не озаботился этим ранее, а не сразу после Июльского выступления?). На этом примере - примере официального восстановления военной цензуры и неофициального - политической

становится особенно очевидным, что меры по сворачиванию либеральной модели печати были предприняты Временным правительством именно в ответ на угрозу со стороны большевиков, обнаруженную в ходе Июльского вооруженного выступления.

До недавнего времени оставалась практически не изученной нормотворческая деятельность в регулировании вопросов печати Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, его Исполнительного комитета и Издательско-типографской комиссии, проявлявших, между тем, значительную активность именно в этом направлении. Причина такого невнимания ученого сообщества представляется очевидной: большинством в Совете большевики овладели лишь к осени 1917 г., а освещать деятельность партий, преобладавших в Совете до этого момента, в течение советского периода было не принято.

В начале марта 1917 г., одновременно с тем, как Временное правительство озаботилось восстановлением нормальной работы Петроградского телеграфного агентства и ликвидацией цензуры в лице Главного управления по делам печати МВД, Исполком Петросовета образовал Комиссию «по заведованию издательско-типографским делом» в составе членов Исполкома Стеклова, Суханова и Александровича (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., 1991: 1. 82). С самого начала на заседаниях Исполкома и общих собраниях Петросовета вопрос о печати обсуждался таким образом, - в отличие от стиля и содержания обсуждений тех же вопросов на заседаниях Временного правительства, - что печать изначально подразделялась на содействующую революции и противодействующую ей, то есть враждебную: вопрос о свободе слова и печати, таким образом, в принципе был решен отрицательно. Еще 3 марта на заседании Исполкома Петросовета было принято решение: «Разрешить к выходу все периодические и непериодические издания, за исключением тех, которые прямо направлены против революционного движения» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., 1991: 1. 93). В номере от 3 марта газета «Русское слово» опубликовала это решение в формулировке, аналогичной официальному протоколу: «Совет рабочих депутатов постановил разрешить выход газет, которые не будут противодействовать революционному движению» (Русское слово, 04.03, 1917). При этом ни в протоколе заседания Исполкома, ни в публикации не сообщалось: кто именно и каким образом будет оценивать степень и само наличие такого «противодействия».

Вскоре за этим решением Исполкома последовало еще одно знаменательное постановление, опубликованное уже в «Известиях Петроградского совета» от 8 марта: «По постановлению Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов воспрещены к выходу все черносотенные издания (Земщина, Голос Руси, Колокол, Гроза, Русское Знамя и пр.). Что же касается газеты «Новое Время», то ввиду того, что редакция этой газеты стала выходить без предварительного разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, то решено приостановить издание и

этой газеты, впредь до особого распоряжения. Вместе с тем Исполнительным комитетом постановлено довести до сведения издателей газет и журналов, что без особого разрешения Исполнительного комитета выпуск изданий воспрещается» (Известия, 08.03, 1917). При этом характерно, что если в самом протоколе Исполкома по вопросу о газете «Новое время» был использован термин «закрывать» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., 1991: 1.132), то в публикации «Известий Петроградского совета» от 8 марта употреблено более мягкое выражение - «приостановить» (Известия, 08.03, 1917). В результате после того, как первый мартовский выпуск газеты «Новое время» с порядковым номером 14719 состоялся в воскресенье 5 марта – в день, когда и вышло постановление Исполкома об этой газете, на следующий день, 6 марта, газета не вышла. При этом в содержании выпуска от 5 марта при ближайшем рассмотрении не оказалось ничего, что могло бы вызвать специальное раздражение членов Исполкома: обращения и воззвания Петросовета печатались в нем в избытке, наряду с таковыми Временного правительства; так что неприятие членов Исполкома вызвал сам факт выпуска издания без их разрешения. Следующий выпуск «Нового времени» с порядковым номером 14720 состоялся во вторник, 7 марта (далее газета выходила вплоть до известных событий в октябре 1917 г.): очевидно, что в течение понедельника 6 марта издатель «Нового времени» предпринял принесшие положительные результаты переговоры с членами Исполкома Петросовета.

В тот же день, когда в «Известиях» состоялась публикация, касавшаяся закрытия черносотенных изданий и газеты «Новое время», Исполком Петросовета принял еще одно, не опубликованное в газетах лаконичное решение: по п. 6 повестки дня заседания от 8 марта «О «Петроградских ведомостях» было решено без объяснений отказать и этой газете в праве выхода (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г., 1991: 1.203). В ходе исследования выяснилось, что в феврале-марте 1917 г. график выпуска этого издания был следующим: газета с порядковым номером 38 вышла 26 февраля; следующий по порядку выпуск с номером 39 состоялся уже 11 марта, при этом на стр. 1 этого номера указано: «С 26 февраля «Петр. ведом.» не выходили по независящим от редакции обстоятельствам» (согласно подшивке отдела газет Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, далее номер 40 издания вышел 12 марта; номер 41 – 14 марта; номер 42 – 15 марта). Главным в этом эпизоде представляется вопрос о том, чем руководствовались члены Исполкома в своем решении отказать в праве выхода этой газете: оказалось, что мотив их решения был исключительно политическим постольку, поскольку главный редактор «Петроградских ведомостей», дипломат и поэт Э.Э. Ухтомский был приближенным Николая II. Таким образом, случай с «Петроградскими ведомостями», как и с «Новым временем», находится в области стремления Исполкома Петросовета осуществлять субъективное политическое руководство печатью, а параллельно еще и утвердиться в

глазах общественности в качестве центра власти, чьи решения обязательны к исполнению.

Наконец, 10 марта последовало еще одно знаменательное решение Исполкома, непосредственно относившееся к регулированию вопросов печати, вновь опубликованное в «Известиях Петроградского совета»: «В заседании 10 марта Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил допустить беспрепятственный выход всех периодических изданий без различия направлений. При этом Исполнительный комитет, конечно, оставляет за собой право принимать соответствующие меры против изданий, которые позволяют себе в переживаемую революционную эпоху вредить делу революции и свободы русского народа» (Известия, 14.03, 1917).

Оставив рассуждения о наличии, или отсутствии у членов Исполкома Петросовета моральных (и юридических) прав на выбор критериев для оценки «противодействия» и «вреда делу революции», следует отметить, что именно этот новый орган власти наиболее энергично исполнял в отношении печатных изданий одновременно разрешительные функции и функции политического регулятора, располагающего правом определять – соответствует ли политике новых властей содержание того или иного издания. В современных исследованиях периода справедливо отмечается, что «фактически Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов взял на себя обязанности надзорного органа над периодической печатью, не имея на то юридических оснований. На деле получается, что он использовал авторитарные методы правления в данной области. То, что казалось неприемлемым в годы правления Николая II, воспринималось как должное в первые дни демократической революции» (Морозов, 2010: 42).

Авторитарный подход Исполкома Петросовета к регулированию вопросов печати подтверждается и впервые обнаруженным в ходе настоящего исследования целым пакетом (из десяти документов) персональных «Удостоверений» и «Разрешений» на выпуск газет. В одном из таких «Удостоверений» от 4 марта, в частности, говорится: «И.К.С.Р. и С.Д. не встречает препятствий к тому, чтобы приступить к работе по набору, печатанию, выпуску и распространению газеты «Правительственный Вестник» (подпись «Член Исп. Ком.» - без расшифровки, неразборчиво) (Исполком Петросовета, 1917: 1). Подобные же удостоверения Исполком Совета выдавал в тот день издателю Касаткину на возобновление газеты «Голос народа» (Исполком Петросовета, 1917: 2), газете «Огонек» (Исполком Петросовета, 1917: 3) и другим изданиям. Важным в самом факте подготовки и выдачи этих документов представляется их содержание, соответствующее ограничительной сути приведенных выше постановлений Исполкома.

Тем не менее, дальнейший анализ событийных подробностей подтверждает, что пик возобновления выпуска печатных изданий приходится именно на два дня, 4 и 5 марта, в течение которых издания получали разрешения на восстановление выпуска. При этом меньшевистская газета «День» демонстрировала начало «новой жизни» возобновленной нумерацией

– 5 марта газета вышла под номером 1 (1573); в этот же день, 5 марта, возобновил выпуск и официоз кадетов «Речь», другие издания. Однако из газетных же публикаций рассматриваемого периода становится очевидным, что советские органы в течение всего 1917 г. осуществляли такую политику в отношении свободы печати, которая не слишком отличалась от ограничений, которые налагались на нее ранее режимом самодержавия. Издатели и редакторы в равной степени могли предъявлять претензии по поводу подобных ограничений и ко Временному правительству, однако по мере приближения к Октябрьскому перевороту становилась очевидной негативная роль прежде всего Петроградского совета, распространившаяся и на российскую провинцию. Так, в «Русском слове» от 3 октября опубликована принятая на общем собрании 30 сентября резолюция Всероссийского общества редакторов ежедневных газет, в которой, в частности, отмечается, что «не репрессии правительства являются в настоящий момент главным злом, которое грозит уничтожить завоеванную революцией свободу печати, – во много раз опаснее и ощутительнее те преследования, которым подвергается печать со стороны различных организаций, советов и комитетов. / С первых дней революции эти организации обнаружили полное непонимание значения свободы печати и, пользуясь находящимися в их распоряжении механическими способами воздействия, создали во многих местах, особенно в провинции, режим печати, по существу своему ничем не отличающийся от цензурного режима старой власти. / Явочный порядок открытия повременных изданий стеснен необходимостью получать разрешение от комитетов и советов. / Все чаще встречаются известия о введении настоящей предварительной цензуры комитетов и советов, и уже имеются издания, на которых стоит позорная надпись: «Разрешено революционной цензурой» (Русское слово, 03.10, 1917).

Именно эти авторитарные навыки Исполкома Петросовета использовали затем большевики в процессе массового подавления свободы печати по совершении Октябрьского переворота, с которого начинается отсчет новой эпохи развития отечественных СМИ.

Литература

1. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного правительства; отв. ред. Б.Ф. Додонов; сост. Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. Т. 1-4. – М. РОССПЭН, 2001, 2002, 2004, 2004.
2. Б/п. Реорганизация Петроградского телеграфного агентства // Московские ведомости. – 1917. – № 48. – 3 марта. – С. 1.
3. Б/п. Ликвидация «Правды» и «Окопной Правды» // Новое время. – 1917. – № 14828. – 16 (29) июля. – С. 1.
4. Б/п. Вздорные слухи // Русское слово. – 1917. – № 50. – 4 марта. – С. 2.
5. Б/п. Воспрещение черносотенных изданий // Известия. – 1917. – № 9. – 8 марта. – С. 2.
6. Б/п. О выходе газет // Известия. – 1917. – № 14. – 14 марта. – С. 2.

7. Б/п. В защиту свободы печати. От Всероссийского общества редакторов ежедневных газет // Русское слово. - 1917. - № 225. - 3(16) октября. - С. 3.

8. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII – начале XX века: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2004. – 372 с.

9. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. – М.: Международные отношения, 1991. - 398 с.

10. Исполнительный комитет Петроградского Совета, документы на хранении в ГА РФ: Ф. 1235. – Оп. 53. – Д. 45.

11. Морозов Е.М. Региональная периодическая печать политических партий России в 1917 году: по материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иваново, 2010. – 198 с.

12. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. 25 февраля – 25 октября 1917 года: в 5 т.; под ред. П.В. Волобуева. – Л.: Наука. Лен. отделение, 1991.

13. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – СПб.: Сенатская типография, 1914. – Внутренняя нумерация документов.

Referenses

1. Archive of Contemporary History of Russia. The minutes of the Provisional Government; Br. Ed. B.F. Dodonov, comp. E.D. Grinko, O.V. Lavinskaya. Vol. 1-4. – М. ROSSPEN, 2001, 2002, 2004, 2004.

2. W/s Reorganization of the Petrograd Telegraph Agency // Moscow News. – 1917. – No 48. – March 3. – p. 1.

3. W/s Elimination of "Truth" and "Trench truth" // New time. – 1917. – No 14828. – 16 (29) of July. – p. 1.

4. W/s Ridiculous rumors // Russian word. – 1917. – No 50. – March 4. – p. 2.

5. W/s Prohibition of the Black Hundred publications // Proceedings. – 1917. – No 9. – March 8. – p. 2.

6. W/s About output of newspapers // Izvestiya. – 1917. – No 14. – March 14. – p. 2.

7. W/s In defense of press freedom. From All-Russian Society of the editors of daily newspapers // Russian word. – 1917. – No 225. – 3 (16) of October. – p. 3.

8. Burlakov R.I. Legal regulation of press censorship in Russia in XVIII – beginning of XX century: dis. ... Cand. of jurisprudence: 12.00.01. – Moscow, 2004. – 372 p.

9. Buchanan J. Memoirs of a diplomat. – Moscow: International Relations, 1991. – 398 p.

10. The Executive Committee of the Petrograd Soviet, documents stored in SA RF F. 1235. – Inv. 53. – D 45.

11. Morozov E.M. Regional periodicals of political parties in Russia in 1917: Adapted from Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces: dis. ... Cand. of Hist. Sciences: 07.00.02. – Ivanovo, 2010. – 198 p.

12. Petrograd Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies in 1917, Protocols, transcripts and reports, resolutions, resolutions of the general meetings, meetings of sections, the Executive Committee and factions meetings. February 25 – October 25, 1917: in 5 vols., ed. P.V. Volobueva. – Leningrad: Nauka. Len. Branch, 1991.

13. Collection of Laws and government regulations, published under the Government of the Senate. – St. Petersburg.: Senate printing, 1914. – The inner numbering of documents

(0,6 п.л.)